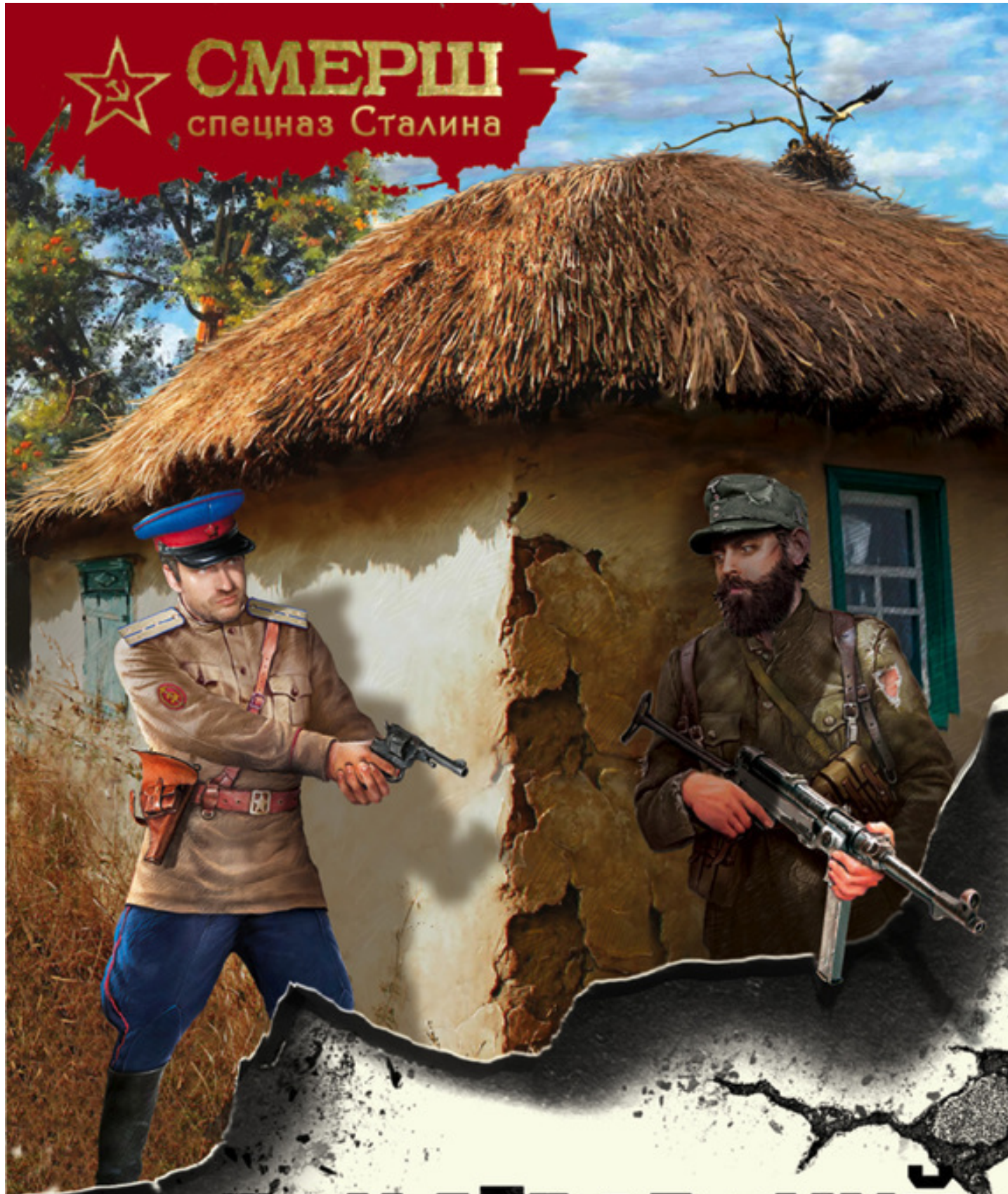

СМЕРШ —
спецназ Сталина

БАНДЕРОВСКИЙ СХРОН

Александр
Тамоников

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников

Бандеровский схрон

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Бандеровский схрон / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2017 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-699-95802-3

Великая Отечественная война подходит к концу. Красная Армия добивает фашистов в их логове. Но беспокойно в тылу. На Западной Украине бесчинствуют бандеровцы. Нестор Бабула – из их числа. Кровавый бандит держит в страхе всю округу: грабит, насилует, убивает – мстит за советскую власть. На поиски и уничтожение недобитых отморожков направляется опергруппа отдела контрразведки СМЕРШ под командованием капитана Алексея Кравца. Опытный боевой офицер знает, как прижать хвост зарвавшемуся головорезу. Но и Бабула не лыком шит: на его стороне помощь из-за границы и поддержка большинства населения...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95802-3

© Тамоников А. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Тамоников

Бандеровский схрон

Все, изложенное в книге, является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

А. Тамоников

© Тамоников А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава 1

1943 год, август

Заскрипела, натянулась ржавая цепь, переброшенная через потолочную балку. Взвыл мужчина в окровавленном комбинезоне, лежащий на верстаке из грубого горбыля. Его руки были скованы цепью, босые ноги со сломанными пальцами оплетали кожаные ремни. Вздুলись вены на рассеченном лбу, глаза налились кровью.

Засмеялся мужчина, управляющий лебедкой, кряжистый, обнаженный по пояс, в мешковатых суконных штанах с вшитой мотней. Он еще раз провернул лебедку, прибитую к стене, обшитой драницей. Истязуемый изогнулся, натянулись руки, жирный пот стекал с лица. Специалист работал толково. Боль адская, но еще недостаточная, чтобы потерять сознание.

Ухмыльнулся тучный плешивый субъект в штанах с лампасами и расстегнутой овчинной безрукавке. Он сидел на табурете, откинувшись к стене, и пускал в пространство завитки табачного дыма.

– Вот так и оставь его, Агафон, – проворчал по-украински четвертый мужчина, присутствующий в подвале.

Ему еще не было сорока. Атлетически сложенный, плечистый, с тонким холемым лицом, украшенным окладистой бородкой. Он носил темно-зеленый френч, снятый с плеча венгерского офицера и доведенный до ума. На поясе у него висели кобура с «вальтером» и пистолетный подсумок с запасными обоймами. По лицу скользила циничная усмешка.

На левом рукаве поблескивали три желтые полосы – отличительный знак сотенного командира Украинской повстанческой армии. Мужчина откликнулся на имя Нестор Бабула, но предпочитал обращение «пан поручик». Он руководил военным кустовым отделом, а также подпольной базой, формально подчиняющейся Злобинскому территориальному отделу ОУН.

Бабула оторвался от стены, где стоял со скрещенными руками, подошел, плавно ступая. Он с любопытством смотрел в глаза пленника, затянутые предсмертной дымкой. Его одолевало извечное любопытство. Что чувствует человек, осознавший, что жить ему осталось недолго? Что происходит в глубинах психики смертника?

В глазах пленного стояла тоска. Он пытался сохранить выдержку, даже презрительно усмехнулся, когда перехватил взгляд офицера, склонившегося над ним. Узник побагровел, напрягся, заскрипела ржавая цепь. Надсадный кашель вырвался из сдавленной груди.

– Продолжать, пан поручик? – спросил субъект с голым торсом, рядовой Агафон Карагуля.

– Без толку, не скажет он ничего, – отмахнулся плешивый мужчина в безрукавке, заместитель командира отряда, он же начальник разведки хорунжий Вавила Сморчук. – В расход его, и все дела. – Он шумно затынулся, окутал себя прогорклым дымом.

Тлеющая сигарка обожгла пальцы, Сморчук ругнулся, бросил ее под ноги, растоптал.

– Добавь малость, Агафон, – вкрадчиво попросил Бабула.

Заскрежетала лебедка, нечеловеческий крик вырвался из глотки пленника. Трещали кости, рвались сухожилия.

Карагуля оскалился, выжидающе уставился на командира. Сморчук зевнул. Бабула поморщился, слегка отодвинулся. Слишком много отверстий у человека, и из каждого может что-нибудь хлынуть.

– Представьтесь, уважаемый? – спросил Бабула.

Пленный тяжело дышал, обливался испариной. Он стиснул зубы, чтобы не радовать палачей своими воплями.

Это был парень лет двадцати пяти, видимо, недавний выпускник военного училища. В искаженное лицо намертво впаялись десять классов образования.

– Лейтенант Савочкин, – прохрипел он.

– Советский Союз, – заявил Карагуля, перехватил пронзительный взгляд командира и заткнулся.

Советский парашютист, член несостоявшейся диверсионной группы. Что ж, бывает. Их часто забрасывают в Восточную Галицию, хотя линия фронта пока еще далеко. Они пытаются связаться с красными партизанами, блуждают по незнакомой земле, в итоге попадают к бойцам УПА, знающим местность как свои пять пальцев.

Отряды Ковпака ходят рейдами по Волыни и Галиции. Единственный свой козырь – скрытные перемещения – они утратили. Отряды разрознены, связи между ними нет.

Немцы и борцы за вольную Украину постепенно выдавливали партизан в Полесье. Советскому командованию приходилось принимать меры, чтобы сохранить боеспособность этих групп.

Рейд Ковпака, аж целого генерал-майора Красной армии, заставил поволноваться не только немецкое командование. Под эгидой ООН повсеместно формировались отряды Украинской национальной самообороны. Они состояли из жителей мелких городов и сельских общин. Оружия у них не было. Крестьяне вооружались вилами, топорами, патрулировали окрестности своих сел. Зачастую формально, чтобы не навлечь на свои головы гнев всемогущей службы безопасности ООН, прославившейся не самыми рыцарскими методами.

Трех парашютистов выявили вчера на рассвете. Житель соседнего хутора увидел три купола в сереющем небе и сразу сообщил на передовую заставу. Хлопцы мигом доложили командиру.

Москалей обложили в Кабаньей балке, в трех верстах к югу. Они приземлились неудачно. Один повредил ногу, другой зацепился за ветку стропой.

Снять его товарищи не успели. Хлопцы нашипиговали их свинцом, а потом смеялись, изощрялись в остроумии над висящим диверсантом. Тот не мог самостоятельно слезть, стонал от отчаяния, извивался, пытаясь дотянуться до кобуры.

Потом кто-то залез на дерево и перерезал стропы. Перезрелый плод свалился в ноги ржущим борцам за самостоятельность. Это чудо еще пыталось драться, махало кулаками. Его хорошенько стукнули, связали руки, погнали на хутор, не тащить же на себе. Мертвых сбросили в овраг, закапывать не стали, оставили на потеху лесной живности.

Документов при себе у диверсантов не было, но разве что-то неясно? Пленника пытали с небольшими перерывами, оттачивали навык кулачного боя, погружали в бочку с водой, кровищи из него выпустили немерено. Ничего, зараза, не сказал.

– Откуда ты, лейтенант? – вкрадчиво спросил Бабула, который неплохо говорил по-русски. – С какой целью заброшен, с какого аэродрома прилетел ваш самолет?

– Из Ленинграда я. Какая тебе разница, сволочь? Не скажу ничего, прихлебатель фашистский.

– Последний шанс у тебя, лейтенант Савочкин. – Бабула пока еще сдерживался, улыбался. – Мне, собственно, без разницы, из какой ты части и кто тебя отправил. С кем ваша группа должна была связаться? В какой квадрат вы метили? С кем планировали встретиться? Где находится партизанский отряд? А я, так и быть, подумаю, сохранить ли тебе жизнь. Будешь говорить?

Пленный молчал.

Бабула подал знак, и Карагуля схватился за лебедку. Москаль извивался, рвались связки и суставы. Потом измученное тело рухнуло на дощатый верстак.

В принципе Бабула знал, что красных партизан в Злобинском районе нет. Были, но давно ушли, потому как не встретили понимания у местных жителей. В противном случае ему доложили бы. В каждом селе, на любом хуторе имелаась агентура.

Диверсанты промахнулись, прыгнули западнее. Возможно, их командование дезинформировали. Такое тоже случалось.

– Не хочешь разговаривать, Савочкин? Хорошо подумал?

– Да пошел ты, гнида фашистская!

Немецких захватчиков Бабула не любил. Сотрудничал с ними, выслуживался, но все равно терпеть не мог.

Третий рейх не собирался создавать независимое украинское государство, хотя два года назад многим казалось обратное. Повелись националисты на заманчивую перспективу, отключили головы. Вот и приходилось им теперь прозябать в подполье.

Но советскую власть Нестор Бабула не любил еще больше. Это было что-то патологическое, звериное, на уровне рефлексов и инстинктов. Насмотрелся с тридцать девятого по сорок первый, хватит.

– Скажи, ты веришь в загробную жизнь?

– Нет, – прохрипел парашютист.

Зачем он об этом спрашивает? Даешь воинственный материализм и атеизм на шестой части суши!

– Ну что ж, лейтенант, тогда хороших новостей для тебя у меня нет.

По знаку заработала лебедка. Взвилось тело, забилося в судорогах от нечеловеческой боли. Конечности выворачивались из плечевых сумок. Рук у офицера уже не было. Они держались на полосках кожи, болтались, как пустые рукава. Голова откинулась назад.

Бабула подавил в себе искушение рубануть чеканом по шее москаля. Ведь надо иногда себе в чем-то отказывать. Карагуля, закусив губу, ослаблял натяг цепи. Сморчук зевал, набивал табаком очередную сигарку.

Пленник рухнул на доски и не шевелился. Хотя, возможно, жизнь еще теплилась в нем. Парень из Ленинграда был крепким, отъелся на комиссарских харчах. А немцы слабаки. Третий год не могут взять этот город.

– Ну и куда его теперь? – озадачился Карагуля. – Не жилец он, пан поручик, домучили скотинку.

– Вот свиньям его и отдайте, – проворчал Бабула, направляясь к лестнице. – Пусть полакомятся.

– А они будут жрать кацапа? – спросил Карагуля.

– Будут, – заявил Сморчук. – У Якова сознательные свиньи.

– Ладно, уберите тут, – распорядился Нестор, выбрался во двор, развалился на завалинке и вытянул ноги в яловых сапогах.

Начинался летний день. Солнце поднялось, дул освежающий ветерок. По небу плыли перистые облака. Сурово шумел лес, окружающий хутор Рогуч.

Потрепанный отряд Бабулы пришел сюда три месяца назад. На хуторе формально хозяйничал Яков Коряк, крепкий крестьянин, предоставивший свои владения борцам за Украину. Попробовал бы только отказать!

Хутор располагался в выгодном месте, недалеко от вертлявой Козынки с заросшими берегами. До ближайшего села Бережаны – пятнадцать верст. До Злобина – еще шестьдесят. Все значимые дороги в стороне. Вокруг дремучий лес, пройти через который могли только местные жители. Дубы, осинники, еловые чащи, чересполосица оврагов и заболоченных низин.

К хутору вели две дороги, но еще в мае люди Бабулы подорвали обрыв, по которому тянулась одна из них, и теперь на том месте зияла внушительная бездна, покорить которую могли бы лишь крылатые существа. Вторая дорога через Козлиную балку контролировалась оуновцами. Там имелись застава и надежная система оповещения и сигнализации.

Семейство Якова периодически ездило на базар в Бережаны, но никогда не делало это в полном составе. В целях безопасности отряда кто-то всегда оставался на хуторе.

Бабула извлек из кармана пачку дрянных немецких сигарет, закурил, с отвращением втянул горький дым.

Хутор жил своей жизнью. Кудахтали куры, мычала корова. У хозяйственного Якова имелись и поросята, и утки. Борцы за Украину особо не нагтели, своего человека не грабили.

Хутор на одну семью был, в сущности, немаленький. Яков еще до тридцать девятого года возвел пристройку к основной хате, срубил баню, навес для повозок и скота, пару сараев. Как он выжил и сохранил свое хозяйство во время красного лихолетья – уму непостижимо. Просто повезло. Сотрудники НКВД и прочих компетентных органов не совались в такую глухомань. При немцах Якову тоже подфартило. Он выкрутился, сохранил свое крепкое хозяйство.

Бабула щелчком отправил окурок за горку сосновых чурок, потянулся.

Из сарая, оборудованного под казарму, доносился гогот. Ржали бойцы, которым нечем было заняться. Делать спектакль из допроса парашютиста Бабула запретил. Похоже, подчиненные резались в карты, хлестали проигравшего приятеля колодой по морде. К подобным забавам Бабула относился снисходительно. Лишь бы хлопцы в бою не подводили. Но мог и взгреть при случае.

Из сарая вышел рослый и сутулый Адам Буткевич, поволокся в отхожее место на восточной окраине хутора. Герой брел, подтягивая спадающие портки. Но шмайсер был при нем, висел на плече.

В конюшне заржала лошадь, что-то загремело. Выругался Яков Коряк, угрюмый мужик тридцати восьми лет.

Скрипнула дверь амбара, высунулся любопытный Степка, двенадцатилетний отпрыск Якова, и сразу спрятался. Малый рос не по годам сметливым, слушался отца. Ему не было равных, если требовался посыльный, разведчик, возникала нужда тайно проследить за каким-нибудь селом. Степка мог пролезть в любую дырку, бесшумно пробежать по лесу, заваленному буреломом, на что не способен взрослый неповоротливый мужик.

Из-за подвальной двери высунулся Сморчук, поманил Буткевича, бредущего из сортира. Тот сменил курс, оба скрылись в подвале. Вскоре Буткевич и Карагуля под чутким руководством Сморчука вытащили безжизненное тело парашютиста, поволокли через двор к свинарнику. Вот придурки, реально свиньям решили бросить! Бабуля не стал их останавливать, пусть тешатся хлопцы. Впрочем, до свинарника они диверсанта не донесли.

На крыльцо вывалилась тридцатипятилетняя Ганка Коряк, супруга Якова, голосистая, пышнотелая, в расписной расклевенной косуле, всплеснула руками, стала орать:

– Куда вы его тащите? Креста на вас нет, изуверы окаянные! Поворачивайте оглобли, волоките за хутор!

Буткевич и Карагуля потащили в лес несчастного паренька, в котором вряд ли осталось что-то живое. За ними тянулась прерывистая красная дорожка.

Ганка, уперев кулаки в боки, придиричиво смотрела им вслед. Потом фыркнула, повернулась, чтобы уйти. Мазнула взглядом Бабулу, сидящего на завалинке, как бы невзначай облизнула губы и скрылась в доме, покачивая бедрами.

Бабула с Ганкой частенько посматривали друг на друга, но до конкретных действий дело не доходило. Нестор не хотел из-за личной похоти рисковать безопасностью всего отряда.

На земле его предков все смешалось. Здесь, в Восточной Галиции, в сорок третьем году царила полная неразбериха. Немецкие войска и батальоны фельджандармерии предпочитали сидеть в гарнизонах. Айнзатцгруппы СС и СД полностью уничтожили местных евреев и не появлялись здесь уже два года. Хотя и надо было!

В лесах орудовали отряды польской Армии Крайовой. Здесь действовали советские партизаны и диверсанты, забрасываемые в тыл немецким войскам.

Организованная и многочисленная Украинская повстанческая армия вырезала польское население, которого в этих землях хватало во все времена. Она вступала в перестрелки с партизанами Ковпака, впрочем, крупными победами на этом поприще похвастаться не могла.

На Третьем чрезвычайном соборе ОУН было принято решение о борьбе на два фронта – против «московского и германского империализма». Борцы за вольную Украину стали нападать на тыловые учреждения вермахта, громить немецкие склады, устраивать засады на дорогах. Впрочем, эта «война» велась в щадящем режиме. Немцев, захваченных в плен, оуновцы отпускали, забирали продукты, боеприпасы.

Немцы тоже не сильно выступали против УПА. Видимо, они понимали, что с приближением линии фронта эти две силы могут снова встретиться в одном окопе.

Ставка на немцев оказалась серьезной стратегической ошибкой. ОУН ушла в подполье. В независимом украинском государстве националистам было отказано наотрез. Зачем нужна великой Германии эта подозрительная самостийность на оккупированных территориях? Равноправия захотели хохлы? Смешные люди!

Степана Бандеру немцы арестовали еще в сорок первом, когда взяли Львов и нарекли его Лембергом. Впрочем, расстреливать Бандеру они не стали, отправили в Заксенхаузен, где он до сих пор и пребывал в компании однопартийцев. Закрытый блок, отдельное питание, особый режим с неплохими послаблениями. Но все равно это концлагерь, а не дом отдыха!

Немцы держали националистов на коротком поводке, особо не репрессировали, но и не поощряли. Они иезуитски использовали их нелюбовь к большевикам и всему русскому. Выходили печатные издания на украинском языке, не разгонялись митинги и собрания, если гнев ораторов не был направлен на германских воинов-освободителей.

Чего добились немцы своим несогласием с ОУН? Могли бы действовать единым фронтом, поднять всю Украину, изнемогающую под пятой коммунистов! Битвы за Москву, Сталинград и Курск продули, понесли невозполнимые потери.

В победу Германии националисты уже не верили. Вся их надежда была на то, что эти две махины сломают друг другу хребет, выдохнутся, исчерпают ресурсы, надорвутся. Тут-то и заявит о себе мощное проукраинское движение.

В последнее время сотник Бабула чувствовал неясную тревогу, какое-то подспудное замешательство, даже растерянность. Интуиция и природный ум подсказывали ему, что все приближается к своему логическому завершению, Советы одолевают. Остановить их практически невозможно. Рано или поздно они свернут Гитлеру шею.

Приказы из Злобинского куста – теневого органа местного самоуправления – начинали злить и раздражать Нестора. Помощи никакой, продовольствия и пополнения не шлют, хотя прекрасно знают, какие потери он понес в прошлом месяце в стычках с поляками и партизанами. Только требуют, зачастую невозможного!

Пока ему удавалось выкручиваться, избегать смерти. Он даже рос в чинах.

В тридцать шестом простой львовский учитель вступил в ОУН, боролся с поляками. Подпольные ячейки, явочные квартиры, конспирация, прямо как при царизме. Он бросил школу, где преподавал соплякам географию, перебивался случайными заработками.

Потом Нестор понял, что можно безбедно жить, грабя польских чиновников и важных жандармов. Незачем отдавать всю добычу в партийную кассу. В те годы он и обнаружил, что безнаказанно убивать – увлекательное занятие. Оно бодрит, повышает уровень адреналина. Никаких кошмарных снов, мучительных воспоминаний, сожалений.

В тридцать восьмом, накануне мюнхенского сговора, ему приглянулась Оксанка, горничная в доме, обитателей которого он пристрелил. Нестор женился, через год дочь родилась. Сейчас они далеко, проживают на Житомирщине у родни. Там другие порядки, нежели в Галиции. Оксанка изредка пишет, что все нормально.

В июне сорок первого немцы ворвались на Западную Украину как ураган. Рычали танки, гремели орудия. Красные бежали, как от чумы, бросая все.

Карьеру при новых хозяевах Бабула начинал рядовым шуцманом – служащим украинской полиции. Гонялся за евреями во Львове, собственноручно их расстреливал. Выявлял неблагонадежных среди украинского населения, изгонял поляков из сел и городов. Стоял в оцеплении, когда натренированные специалисты из айнзатцгрупп и зондеркоманд сжигали села и целые городские кварталы, населенные евреями и поляками.

Потом он четыре месяца служил в батальоне германской вспомогательной полиции, был шарфюрером. Это целый унтер-фельдфебель. Вслед за этим Нестор поступил на службу в батальон «Нахтигаль», сформированный из националистов. Он участвовал в стычках с неугомонной Армией Крайовой, тотальном истреблении польского населения.

Весной сорок третьего немцы начали формировать из добровольцев украинского происхождения гренадерскую дивизию СС «Галичина». Только в первые дни на призывные пункты явились 80 тысяч человек! Отбирали молодых, здоровых, спортивных, и все равно оказалось много. Дивизию укомплектовали полностью, остальных запикивали во вспомогательные подразделения.

Но уже без Нестора Бабулы. Он понял, что нельзя делать ставку на немцев. Им служить – постоянно чувствовать себя человеком второго сорта. С конца сорок второго он снова в ОУН, в борьбе за украинскую идею. Нестор стал сотником.

Снова показалась Ганка. Она вынесла из дома таз помоев, продефилировала по двору, покачивая бедрами. Потом пошла обратно, демонстративно игнорируя Бабулу.

В закутке, пристроенном к казарме, запикивала рация. Нестор насторожился. Через пару минут вышел ефрейтор Василь Зозуля, поправил кепку-мазепинку, сползающую на загривок, повертел головой и потащился к командиру, отдыхающему на завалинке.

Он небрежно козырнул, сунул листок серой бумаги.

– Сообщение из Злобина, пан поручик.

Бабула поморщился, лист не взял.

– Что хотят?

– Спрашивают, сколько у нас бойцов, каков моральный дух, как проходит зачистка от польского населения. Требуют активизировать борьбу с советскими и польскими партизанами. По их сведениям, в район со стороны Костополя идут до трех десятков ковпаковцев. Приказывают их уничтожить.

– Что? – вспыхнул Бабула. – Как я их должен уничтожать? Сколько нас?

– Вот они и спрашивают... – Зозуля потупился.

– Ладно, иди отсюда. – Бабула скорчил раздраженную мину. – Отстучи, что я проверяю посты, отчитаюсь позже.

Пока ему удавалось контролировать злобу, не выпускать ее за рамки.

Радист почувствовал настроение командира и умчался. Знал, что в гневе Бабула неподражаем.

Опять эти хреновы подпольщики со своими ценными указаниями! Можно подумать, не знают, что у Нестора из всей сотни осталось девятнадцать активных штыков! Он – двадцатый! Откуда возьмутся еще – от плесени?

Раньше были машины, теперь их нет. А на тачанках далеко не уедешь.

В середине июля устроили засаду на ковпаковцев, выходящих из Турьинского леса. По сведениям разведки, их было не больше двадцати. На опушке появился только десяток и успел вовремя залечь. Второй обошел отряд Бабулы и ударил с тыла из трофейных «MG-34»! Несколько минут поливали огнем, вдавливали в землю, потом снялись и ушли.

Пока приходили в себя, зализывали раны, москалей и след простыл. Двадцать два бойца полегли насмерть, трое были тяжело ранены. Их пришлось пристрелить, все равно не вылечить. Четверо в тот же вечер дезертировали, слабы оказались духом.

В начале июля столкнулись с поляками. Те ехали на грузовике, переодетые в форму саперов вермахта. Только родная речь их и выдала. Полтора часа шел бой. Хлопцы перестреляли половину ляхов, но и своих семерых потеряли, боевых, бывалых, опытных.

Поляки стараются не оставаться в долгу. Они поступают на службу к немцам в полицию, получают форму, оружие и мстят украинцам, выжигают дотла их селения, истребляют жителей. А уж как радуются, встречая подразделения УПА. Мимо не проходят, бьются до последнего.

Немцы задумчиво взирают, как поляки и украинцы уничтожают друг друга. Они не видят в этом ничего ужасного. Все равно эти земли надо освободить для колонистов из Германии.

Из казармы донесся взрыв хохота. Все, довольно!

Нестор слез с завалинки, вышел на середину двора и заорал:

– Становись!

На объем легких он никогда не жаловался. Даже птицы слетели с веток!

Дважды повторять не требовалось. Народ повалил из казармы так, словно враг уже топтался у ворот. Бренчало оружие, бойцы на ходу поправляли головные уборы, подтягивали спадающие штаны. Не прошло и тридцати секунд, как все воинство стояло в одну шеренгу, вытянувшись во фронт.

Пятнадцать небритых рыл. Трое на передовой заставе, еще один у разрушенного обрыва, откуда открывалась панорама прилегающей местности.

Хлопцы научились чувствовать состояние командира, стояли, не дыша. А он неприязненно поедал их глазами. Вроде все правильно, по ранжиру, помнят еще свои места. На правом фланге заместитель Сморчук, рядом дылда Адам Буткевич. Крайний слева – коротышка Фадей Горбаш, лупоглазый, плюгавый, весь какой-то шелушащийся, словно линять собрался.

Люди крепкие, обветренные, проверенные в бою, и не только. У каждого свой счет к врагам Украины.

Но на кого похожи, мать их за ногу! Кто в чем! В штанах из драной холстины, в ватных брюках, кирзовых сапогах, гражданских ботинках, громоздких армейских бутсах. Одни в немецких френчах с оторванными знаками различия, другие в советских гимнастерках под крестьянскими безрукавками, третьи в польских или венгерских френчах. На головах и того хлеще – грязные мазепинки с клинообразным передом и вырезанным из жести трезубцем в качестве кокарды, немецкие кепи с козырьками, красноармейские пилотки, польские конфедератки.

С вооружением тоже полная чехарда – советские «ППШ», пистолеты-пулеметы Судаева, германские «MP-40», разные винтовки. Рядом со здоровяком Богданом Клычко стоит крупнокалиберный пулемет Дегтярева – Шпагина. На поясах подсумки с обоймами и магазинами, немецкие патронташи, ножи в чехлах. Какое потрясающее разнообразие!

– Что, бойцы, вкусили запорожской вольницы? – процедил Бабула, исподлобья озирая остатки своего воинства. – С этого дня никакой анархии, зарубите на носу. Строгое выполнение распорядка дня, никаких карт и других азартных игр. Подъем и пробуждение – по расписанию. Прием пищи, физическая зарядка, занятия по рукопашному бою, разборка и чистка оружия. Дважды в день кросс по пересеченной местности, от лагеря до передового поста и обратно. Каждый день обязательная политинформация. Проводить ее будут пан хорунжий и я. Коваль, все понятно? Чего глазами хлопаешь?

Гаврила Коваль был хорош в бою, но не отличался смышленостью. Этому медленно соображающему мужику нужно было все повторять дважды. Он выпучил глаза, сглотнул.

– В течение получаса навести порядок в казарме и на прилегающей территории, – продолжал командир. – Всем постираться, а то подойти к вам невозможно, воняете. Приведите в поря-

док ваши физиономии, обезображенные судьбой. – Бабула криво усмехнулся. – Побриться, постричься. На кого похожи – смотреть стыдно, тьфу. Всем понятно? Разойдись! Все за работу, я проверю. Никакого спиртного!

– Пан поручик, разрешите вопрос? – подал голос молодой светловолосый Азар Жмелик, тоже бывший учитель, успевший послужить в полевой жандармерии и пристрелить собственную невесту, у которой обнаружилась по линии матери еврейская примесь. – На дело скоро пойдём?

– Ты про какое дело сейчас говоришь, Азар? – осведомился Бабула, уходя от прямого ответа. – Скоро уже, не волнуйся. Будет вам работа, всем хватит.

– Кстати, Нестор, насчет приема пищи, – проворчал заместитель Сморчук. – На складе все плохо, провиант кончается. Если так пойдет, скоро Яшкину живность жрать будем, а потом и его самого вместе с семейством.

Бабула скрипнул зубами и зашагал на другой край хутора, где в подвале под пустующим амбаром хранились запасы съестного. Вавила увязался за ним. Сотник спустился по скрипучей лестнице, поджал губы, оглядел помещение. Осталось полтора мешка муки, горка картошки за загородкой, несколько вилок гниющей капусты. С потолка свисал кусок вяленого мяса, завернутый в марлю.

Действительно мало. Для одного – нормально, но для двадцати вечно голодных ртов, которых нужно кормить трижды на дню, – катастрофа!

За спиной послышалось многозначительное покашливание.

– Послушай меня, Нестор. – Яков, прихрамывая, подошел к сотнику.

– Говори, – бросил Бабула.

– Ты же знаешь, я ездил четвертого дня в Бережаны. Повидаться надо было с вашим парнем из самообороны. На обратном пути на рынок заглянул, Ганка просила кое-что из посуды купить. Дальнего знакомого встретил. Это Влас Раковский с хутора Белого. Он харчей закупил полную телегу. Одной муки мешков семь, а еще картошку, соленья, соль с сахаром. Семья у него, конечно, большая, шесть ртов, но все равно много. Немцев он дюже не любит, но это ладно. Влас и вашего брата, Нестор, не любит. Неласково отзывался про УПА, прихвостнями фашистскими обзывал, бандитами с большой дороги, головорезами, которые только прикрываются идеей, а сами полные негодяи. Я, понятно, не стал ему говорить, кто у меня на хуторе живет, улыбался, кивал.

– Продукты, говоришь, покупал. – Бабула задумчиво почесал переносицу. – И о нашем брате неласково отзывался.

– Точно. Говорит, среди поляков в соседнем хуторе столько приличных людей было, а отряд Забуловича пришел и всех без разбора в мелкую капусту порубил, даже стрелять не стал, потому что патроны жалко. Я вот думаю, Нестор, хорошо бы этому гаду взбучку сделать, а заодно и конфискацию учинить. Сдается мне, что у Власа по сусекам поскрести – не только эти семь мешков найти можно.

– Молодец, Яков. – Бабула поощрительно похлопал хуторянина по плечу. – Верно понимаешь текущий момент, сознательный ты наш. Дорогу на хутор знаешь? Незаметно можно проехать?

– Можно. По прямой лесами верст десять будет.

– Отлично, поедешь с нами. – Бабула повернулся к помалкивающему заместителю. – Ты тоже, Вавила, собирайся. Пять человек бери, две подводы, в полночь выступаем. Пусть эти люди отдохнут, а остальным спуска не давай, чтобы работали как каторжные.

– Слушай, Нестор. – Хозяин хутора замаялся, как-то занервничал. – Может, вы сами, без меня? Вроде как знакомец мой этот Влас, нехорошо получится.

– Извини, Яков. – Сотник развел руками. – Никто тебя за язык не тянул. Да не трусь ты, пан Коряк. Просто дорогу покажешь. На подводе посидишь, пока мы с твоим знакомцем разберемся. Посторожишь имущество, а то время лихое, всякая шваль по лесам шастает.

Он валялся на мягкой кровати в комнате, выделенной от щедрот Якова Коряка, тарасился в потолок. Каморка в пристройке на краю хутора была узкая, не развернуться. Но Бабуле места хватало, в быту он был неприхотлив.

Главное преимущество – окно за кроватью. За ним дырявый плетень, лес стеной. Чуть опасность – ногой высаживаешь раму, ныряешь в чашу, и ни одна собака не найдет.

Он должен был отдохнуть, ночь предстояла трудная. Но Нестор не мог уснуть, вертелся, потел, со злостью смотрел на распятие, висящее на стене. Какого хрена Яков его сюда прицепил? Жалобный лик Христа, прибитого к перекладине, безмерно раздражал командира сотни. Бабула курил, пуская дым в потолок, смотрел на стены так, словно собирался раздвинуть их взглядом.

В лесу чирикали птицы.

Где-то за стенкой пышнотелая Ганка отчитывала Степку, который снова не туда залез. Она возмущенно тараторила, голос ее дрожал, взмывал фальцетом. Степка помалкивал, не ерепенился. В крестьянских семьях не принято прекословить родителям.

Эх, бабу бы сейчас. Да где ее взять? Все чаще он задумывался об этой разбитной хуторянке с добротным телом и лукавой изюминкой в глазах. Да и она на него посматривала. Осторогел ей бирюк Яков, вечно хмурый и ворчливый.

Но сложно как-то с Ганкой. Нестор не хотел портить отношения с хозяином хутора, пока от него сплошная польза и никакого вреда. Пристрелишь и таким геморроем обзаведешься!.. Ладно, с Ганкой он решит позднее.

Перекликались бойцы. Их голоса доносились в раскрытое окно. Взбучка придавала людям бодрости, они бегали, суетились. Хорошо бы этой ночью раздобыть провиант. Хоть одной проблемой станет меньше.

Угрызения совести не про него, но в последнее время какая-то гадость точила душу Нестора. Сколько народа он пристрелил и порезал собственными руками? Определенно не одну сотню! Да разве это люди? Евреи, презренные ляхи, коммунисты, цыгане, украинцы, позабывшие родство и не видящие дальше своего носа!

Раньше все было спокойно, а теперь ему мерещились мертвецы с проломленными черепами и трупными пятнами. Они выбирались из-за кулис подсознания, тарасились пустыми глазницами, всюду преследовали его, как будто он им что-то должен!

Ничего подобного! Нестор очищал свою страну от мусора. Та еврейская девочка, которую он выбросил с балкона во Львове, совершенно напрасно прожигала его взглядом!

Погуляли тогда, конечно, на славу! Украинцы в форме полицейских лезли из кожи, чтобы услужить немцам. 8 ноября 1941 года оккупационные власти приказали организовать еврейское гетто. В огороженные кварталы было согнано 100 тысяч душ! Откуда их столько во Львове?

Собственность разграбили еще летом, а в ноябре взяли за них самих. Поначалу расстреливали старых, больных, женщин с детьми. Называлось это акциями против асоциальных элементов. Остальных заставляли работать на благо рейха. Постоянно формировались партии для отправки в лагерь.

Делать это помогала еврейская полиция. В нее охотно шли служить молодые люди, наивно полагая, что этим самым избегнут уничтожения.

В гетто работал юденрат, орган самоуправления. Набирали в него самых уважаемых людей. Никакой самостоятельности немцы, конечно, не допускали. Единственное предназна-

чение юденрата – оперативное и точное выполнение евреями распоряжений немецких властей. Блажен, кто думал иначе.

Членов юденрата тоже расстреливали за малейшее неповиновение, намек на сопротивление, высказывание мнения, неугодного властям. Нестор принимал участие в акции в октябре сорок второго. Хватило двух залпов, чтобы отправить в мир иной весь юденрат в полном составе, включая председателя Юзефа Парнаса. Солидные дядечки в пиджаках со звездой Давида на груди принимали смерть смиренно, потупив глаза.

А две недели назад, после стычки с бойцами Армии Крайовой, хлопцы задали перцу уже полякам. Бойцов трясло от злости. Столько хороших ребят полегло!

Разведка донесла, что те поляки отступили в Зброевку, население которой тоже было преимущественно польским. Соседний район, двадцать с лишним верст, но кого останавливают трудности?

Выступили с вечера, на двух подводах, загруженных оружием, канистрами с бензином. Шли окольными дорогами и к часу ночи уперлись в Зброевку. Там все спали.

Бойцы постояли за пригорком, покурили. Бабула разрешил подчиненным выпить по чарке горилки. Перед делом не вредно.

– За работу, хлопцы! – распорядился он. – У вас есть час, делайте, что хотите.

Он выслал дозорных на примыкающие дороги, чтобы исключить непредвиденные ситуации.

Оуновцы свалились на Зброевку как снег на голову! Ворвались на повозках, с улюлюканьем, с веселыми матерками. Стали растекаться по дворам, тащили канистры. Гремели выстрелы, орали перепуганные люди и собаки.

Уже через минуту грянули сполохи пламени. Сонных крестьян в одном исподнем выбрасывали из домов, избивали. Сопrotивлявшихся расстреливали на месте. Алкоголь бурлил в головах, лишал тормозов. Вид крови пьянил еще больше.

Часа хлопцам вполне хватило. Они никого не оставили в живых.

Бабула толком не выспался, к ночи поднялся весь разбитый. Выступали на двух подводах. В группе было семеро, включая Бабулу, Сморчука и Якова. Половину пути скрипели по лесу, перескочили поле под противным лунным светом. Потом тропа петляла среди кустарника.

Автомобильную дорогу пересекали со всеми мерами предосторожности. Немецкие патрули на трассах были не редкостью. Снова лес, заболоченная низина, густой хвойник вдоль обочин.

Бабула трясся на подводе, сумел еще немного поспать. Рядом кряхтел и жаловался на жизнь Яков Коряк.

На хутор Белый прибыли около двух часов ночи. Встали в лесном массиве, выслали коротышку Горбаша на разведку.

Фадей вернулся через четверть часа с блудливой ухмылкой и ромашкой в зубах. Мол, все нормально, хутор спит. Собака у Раковских брешет, словно чует недоброе.

– Яков, как я и обещал, ты с нами не пойдешь, остаешься тут, – буркнул Бабула. – Да и толку от тебя там, как с козла молока. Подгонишь подводы к воротам, чтобы не переться нам потом в такую даль. Остальные – за мной.

Другие домовладения не волновали Нестора. Вполне возможно, что там обитали правильные украинцы.

Богдан Клычко ногой вышиб калитку, группа ворвалась во двор. Крупная собака бросилась наперерез, истошно гавкая. Правильно чуяла зверюга. Карагуля пропорол ее очередь и засмеялся, когда та стала кататься по земле, жалобно повизгивая.

В доме началась паника, кричали люди, плакал ребенок. Бойцы быстро пересекли двор.

Влас Раковский был нетрусливого десятка. Он понял, что происходит, выскочил на порог с перекошенным заспаным лицом, всклокоченный, в одном исподнем, и вскинул охотничью берданку. Азар Жмелик стегнул очередью из «МР-40». Влас закричал от боли, выронил ружье и схватился за простреленное плечо. Бабула первым запрыгнул на крыльцо, схватил его за горло, толкнул обратно в дом.

И пошла потеха! Заслужили, подлые изменники, вражины большевистские! Бойцы, улюлюкая и топя сапогами, разбегались по комнатам. Клычко втащил в горницу раненого Раковского. Тот задыхался от боли, зажимал кровоточащую рану.

Бабула щелкнул зажигалкой, загорелся фитиль керосиновой лампы. Дом Раковского и вправду выглядел вместительным и не самым бедным.

Распахнулась дверь, истошный крик напряг уши. Богдан Клычко приволок в горницу пожилого благообразного мужчину в трусах и застиранной майке, швырнул на пол. Он удалился, похохатывая, втащил за волосы седую морщинистую женщину в глухой ночной сорочке, бросил рядом с мужчиной.

Загремело на лестнице, в комнату скатилась еще одна женщина, сравнительно молодая, с красивыми волнистыми волосами. Она что-то повредила, при падении ползла, пыталась встать, но ноги разъезжались. Глаза ее затравленно блуждали.

Хлопцы встретили ее появление одобрительными выкриками. Раковский захрипел, бросился к жене, преодолевая боль, но Бабула ударил его по шее ребром ладони, и бедняга потерял сознание.

Снова грохот, по лестнице скатились трое. Жмелик держал за шиворот сорочки девчонку лет семи, она извивалась, плакала, но вырваться не могла. Вторая его рука тоже была при деле. В ней извивался пацаненок, совсем мелкий, годков трех. Он голосил, брызгал слезами. Одежды на нем не было, поэтому Жмелик держал его за горло.

– Чуть не убежала мелкота, – отдуваясь, сообщил боец и швырнул добычу на пол. – Эта паршивка уже мальца на козырек выбросила, сама за ним карабкалась. Хорошо, что успел...

Девчонка с воплем бросилась из дома. Хохочущий Горбаш выставил ногу. Она ударилась лбом о порожек, потеряла сознание.

Застонала женщина с красивыми волосами, пыталась подняться. Она от потрясения лишилась дара речи. Мальчишка скорчился в углу, закрыл глаза, дрожал от страха.

Пришел в себя отец Власа Раковского. Он бросился с кулаками на Бабулу. Тот легко уклонился от неуклюжего удара старика, ногой отбросил его к печке и пальнул из «вальтера».

Жмелик полоснул из автомата по пожилой женщине и детям.

– Чтобы не мучились, – проговорил он, меняя магазин.

Поднялась бледная как мел женщина с распущенными волосами, смотрела невидящими глазами на сына и дочь.

– Ее с собой заберем, – буркнул Бабула и ударил женщину кулаком в лицо, чтобы не путалась под ногами.

– Что ж вы творите, нелюди! – донеслось со двора. – Это же Влас Раковский, он же украинец!

Карагуля, не говоря ни слова, вывалился наружу, стеганул из автомата. Смелчак, видимо, кто-то из соседей, опомнился. Он зигзагами улепетывал по двору, перелетел через ограду, рухнул в бурьян. Тряслись лопухи, храбрец скачками уносился прочь.

Жмелик, мурлыча что-то себе под нос, связал бесчувственную женщину, проволок ее через двор, загрузил в одну из подвод, которые подогнал Яков. Хуторянин шарахнулся от пленницы, как от прокаженной, начал судорожно креститься.

Хлопцы лихорадочно обшаривали дом. Они логично рассудили, что семейству Раковских все это теперь без надобности, стаскивали на крыльцо какие-то тряпки, одеяла, обувь с одеждой, красивую посуду. Пусть Ганка порадуется.

Содержимое подвала особенно порадовало глаз. Здесь было сухо, прохладно. Влас знал, как следует хранить продукты. Каждому бойцу пришлось сделать пару ходок, чтобы вынести мешки с мукой. Яков подогнал подводы к крыльцу. Хлопцы грузили в них печеный хлеб, сырные головы, овощи, прошлогодние соленья и маринады, сушеные грибы, варенье. Да еще и бабу добыли!

Настроение у бойцов было приподнятое. Единственная незадача – подводы загружены до верха. Теперь придется идти пешком. Но ничего, зато еды надолго.

– Пан поручик, самогон берем? – каким-то севшим голосом спросил Карагуля. – Его тут целых три бутылки. Может, оружие протереть или еще чего.

– Я вам протру! – прорычал Бабула и махнул рукой. – Ладно, берите, на базе разберемся.

Раненого Власа Раковского подцепили крюком, стащили с крыльца, проволокли через двор и выбросили на улицу.

Клычко, утробно урча, мастерил петлю на пеньковой веревке. Свободный конец он перебросил через балку на воротах, а петлю затянул на горле Власа. Натягивали конец веревки дружной компанией.

Раковский очнулся, когда его поволокло вверх, и земля стала уходить из-под ног. Он хрипел, извивался, посинел от натуги, когда петля сдавила горло. Глаза вылезли из орбит, вывалился язык. Бедняга пару раз дернулся и повис.

На грудь ему прикололи бумажный лист, на котором Жмелик вывел каллиграфическим почерком: «Так будет со всеми изменниками!»

– Эй, народ! – проорал Клычко, сложив ладони рупором.

Можно было не сомневаться в том, что его слышал весь хутор.

– Этот предатель должен висеть два дня! Смотрите и мотайте на ус! Если снимете раньше, то мы об этом узнаем, вернемся и сожжем весь хутор!

Ночка удалась на славу! К рассвету обоз беспрепятственно добрался до базы. Ликовали оставшиеся бойцы – не зря съездили! Подобревший Бабула разрешил им приложиться к самогону. Но в меру, чтобы утром были как стеклышки и стояли в строю.

Бабу он велел отвести в отдельную землянку на краю хутора, где Яков хранил удобрения и инвентарь, приковать к стене, чтобы не сбежала. Бросить ей какой-нибудь матрас и не забывать кормить. Все-таки живая пока. Хлопцы встретили это распоряжение ликованием, кто-то даже шапку подбросил.

Бабула украдкой ухмылялся, удаляясь к себе. Есть надежда, что в решающем бою эти люди трижды подумают, прежде чем выстрелить ему в спину.

У несчастной женщины даже имя не спросили. Раздели донага, отволокли в землянку, бросили мешковину на настил из грубых досок, пристегнули цепью к скобе, как собаку. Насиловали по очереди, по нескольку раз, утоляя накопившийся голод. Она была в протрации, плохо понимала, что происходит.

Подглядывал в щель любопытный Степка. Вояки веселились, гнали его прочь. Мол, рано тебе, годика через три приходи. Высовывалась Ганка, моргала, крутила пальцем у виска. Что-то брюзжал Яков.

Бабула к этой прелестнице ни разу не спускался, противно было. Он не ровня этим неразборчивым ублюдкам! Сотник вертелся на кровати, смурнел.

На вторую ночь после возвращения с хутора Белого скрипнула дверь, в комнату вошла Ганка с распущенными волосами. Она была в короткой сорочке, прерывисто дышала.

Их совокупление было жестким, яростным. Он задыхался, трепал ее за волосы, она извивалась. Оба чуть не взорвались! Но орать было нельзя. Нестор заткнул ей рот подушкой, чуть не удавил к чертовой матери. Ганка вырвалась, стонала, исходила хрипом. Несколько минут они приходили в себя. Потом женщина сдавленно захихикала, стала тереться об него.

– Ганка, ты сдурела? – прошипел он. – Нет, баба, конечно, стоящая, впечатлила. А если Яков узнает?

– Но ты же защитишь меня, Нестор? – промурлыкала она и лизнула его небритую шею. – Спит давно Яков. Нализался втихую самогона, ноги задрал и на боковую. Надоел, не могу уже видеть его, терпеть это нытье. Моя бы воля, схватила бы Степку и унеслась куда-нибудь подальше.

– Это куда, например? – осведомился Бабула.

– А в Швейцарию, – ответила Ганка. – Знаешь, есть такая страна? Она не воюет. Шучу, мой милый. – Она потрепала его теплыми пальцами за щетинистую щеку. – В Станиславе у меня двоюродная сестра, вот к ней и подалась бы, а потом еще куда-нибудь.

«Серьезный поворот, – размышлял Бабула, когда удовлетворенная Ганка на цыпочках удалилась. – Можно сделать вид, что ничего не было. Или продолжать. Кто такой Яков? Фактически никто. Воткнуть перо в пузо и зарыть на задворках хутора. Обвинить в измене – не проблема. А хутор Рогуч никуда не денется, пусть Ганка в нем и управляет хозяйством. Ладно, жизнь покажет».

Этой же ночью супруга покойного Раковского покончила жизнь самоубийством. Ее никто не охранял, лишь дверь была заперта на засов. Она заставила себя подняться, прижалась спиной к стене, обмотала вокруг горла цепь, к которой была привязана рука, а потом резко повалилась лицом вперед. Цепь натянулась и пережала слабое горлышко. Женщина мгновенно задохнулась.

Хлопец, спустившийся к ней утром, испустил крик разочарования, бросился к бездыханному телу. Но оно давно остыло. Бойцы с грязной руганью вытащили тело из подвала, завернули в какую-то тряпку, поволокли к ближайшему оврагу. Но им пришлось рыть яму. Приказ Бабулы был категоричен. Нечего тут разводиться заразу!

Впрочем, долго расстраиваться хлопцам не пришлось. В тот же день пришло сообщение из Злобина о появлении новой группы советских парашютистов, и амурные дела были убраны в долгий ящик.

Глава 2

2016 год, август

Поселок Гривов, 25 км от границы с ДНР

Добротный двухэтажный дом располагался на восточной окраине поселка Гривов, в самом конце улицы Пекарной. От ближайших соседей его отделяли овраг, заросший крапивой, и жидкая липовая полоса. Он был построен с размахом, явно на большую семью, привыкшую ни в чем себе не отказывать. Просторный двор, сад на задворках, вместительный гараж, беседка, летняя кухня. Территорию опоясывал высокий металлический забор.

Уже с вечера в доме гремела музыка. Хозяин, наверное, решил переслушать все концерты Оззи Осборна, фронтмена металлической группы Black Sabbath, от классических до свежих, еще не заезженных. Он делал это, не щадя воспроизводящей техники и собственных ушей. Музыка была, мягко говоря, на любителя. Соседи терпели, впрочем, лесополоса немного глушила этот шабаш.

К наступлению темноты в доме находились двое мужчин. Обоим им еще не было тридцати. Они курили на балконе, вели оживленную беседу и потягивали пиво из жестяных банок. Запилы и визг рок-группы их, похоже, не отвлекали.

– Хорошо тут у тебя, Касьян, – с откровенной завистью произнес плотный, коротко постриженный парень.

Виски у него были выбриты наголо, а на макушке рука парикмахера изваяла миниатюрную вертолетную площадку.

– Классно, что опять решил всех собрать. Раньше мы часто виделись.

– Конечно, Демид, – заявил кряжистый малый с густыми бровями и трехдневной щетиной. – Традиции надо помнить, чтить и всячески поддерживать. Родня уехала, почему бы не вспомнить молодость? – Он посмотрел на часы. – Ладно, берем еще по пиву и пошли огонь заводить. Скоро Рваный и Петро бабье подгонят. Обещали самых лучших в районе, блин!

– Ага, мне уже страшно. – Демид передернул плечами, и парни непринужденно рассмеялись.

Потребление пива продолжилось внизу, под вопли неувядающего Оззи с мансарды. Касьян принес дрова, мешок с древесным углем, бросил все это у стационарного мангала, выложенного кирпичом. Взвился дымок, затрещало пламя.

Касьян извлек из беседки раскладной столик, посмотрел на небо, уже темное, но вроде безоблачное, потащил ношу к мангалу. Загорелся прожектор над летней кухней, озарил двор. Угли уже подходили.

Касьян что-то сказал Демиду. Тот засеменял в летнюю кухню, стал таскать оттуда стулья, приволок из холодильника два здоровых пакета. На столе оказались бутылки, газировка для запивона, какая-то закуска.

В одиннадцать к воротам подъехала машина с шашечками. Из нее высадились по две особи мужского и женского пола. Какой-то худосочный субъект нервно подпрыгивал и ругался с таксистом. Стоимость поездки показалась ему завышенной. Его высокий светловолосый приятель украдкой от дам покрутил пальцем у виска, рассчитался с шофером и раздраженно махнул рукой. Проваливай, мол, пока мы добрые. Таксомотор растаял в темноте.

Смеялись женщины в символических кожаных юбках. Блондин обнял обеих за плечи, подтолкнул к калитке. Нервный тип спохватился, побежал первым.

Гости ввалились во двор, где завершались приготовления к вечеринке. Мужчины обнимались, жали друг другу руки. Они и в самом деле давно не виделись, не сидели за накрытым столом.

Касьян и Демид ухмылялись и придиричиво разглядывали девочек. Нормальные шлюхи, не обманул Петро. Одна блондинка, другая рыжая. Ноги и все остальное на месте, характер веселый, покладистый.

– Представляю прекрасных дам! – заявил нервный субъект, неустанно гримасничая и подпрыгивая. – Рыжая – Тереза, светленькая – Ядвига. Хлопцы, это огонь, бомбы! Тащите огнетушитель! Лично проверил, все в ажуре!

Мужики гудели, не скупались на предварительные ласки. Девушки хихикали, льнули к крепким мужским телам.

Не было смысла откладывать приятное дело в долгий ящик. Касьян потащил блондинку в дом. Она бежала за ним, спотыкалась, смеялась. Он загнал ее на мансарду, где гремела музыка и дрожали стены, повалил на кушетку.

Демид прибрал рыжую, но дальше веранды с ней не пошел, проорал друзьям, чтобы не беспокоили. Он сегодня страшно занят!

– Там же нет кровати. Как вы?.. – любопытствовал блондин Петро.

– А мы на дверной ручке. Ты не пробовал?

Путаны оказались отзывчивыми, приветливыми, все делали правильно, на должном профессиональном уровне. Сразу видно, что фирма веников не вяжет.

Когда все четверо вернулись во двор, там уже протекала жесткая мужская вечеринка. Приятели времени не теряли, ели, пили, не дожидаясь товарищей. Петро срыгнул, блаженно сощурился, откинулся на спинку стула.

– Дамы, присаживаемся! – Нервный тип рванулся ввысь, чтобы уступить место, слишком размашисто двинул локтем.

Разбилась рюмка, грохнулся на землю покупной салат с креветками. Зашаталась нераспечатанная бутылка горилки, оказавшаяся в угрожающей близости от края стола. Виновник несчастья ахнул и бросился ее ловить, но бутылка выскользнула его из рук, упала на тротуарную плитку, вымостившую двор, и разбилась.

Ахнули женщины, возмущенно закричали мужчины. Касьян схватился за голову.

– Гнат, твою дивизию, ты что творишь, придурок неуклюжий! Литр горилки коту под хвост!

– Кретин! – заорал Демид. – Да мы тебе руки поотрываем! Пипец полный!

– Хлопцы, вы чего? – Гнат побледнел, растерянно тарачился на осколки под ногами. – Я хотел как лучше...

– Родители твои тоже хотели как лучше, – ядовито заметил Демид. – А получился у них ты. Такая вот хрень. Ничего в этом мире не меняется. Как был ты, Рванный, последним чуханом, так и остаешься. Ни хрена тебе доверить нельзя.

– Ты чего на меня баллон катишь? – взвился виновник «аварии», но быстро сник.

Охоты махать кулаками у него пока не было.

– Мальчики, вы в бешенстве? – с усмешкой осведомилась блондинка Ядвига, поправляя юбку, забившуюся в ягодицы. – Может, подпишите пакт о ненападении?

– Ладно, забыли. – Касьян махнул рукой. – Не последняя. Есть еще кое-что в арсенале. Но вы дебилы, в натуре, – заявил он головой, переводя взгляд с чадающего мангала на приятелей, уже сытых и пьяных. – Вместо того чтобы горилку жрать в наше отсутствие, могли бы шашлыками заняться.

– Твое хозяйство, ты и занимайся, – отрезал Петро.

Ссориться раньше времени парни не стали, инцидент замяли.

Касьян принес из летней кухни еще одну бутылку. Все выпили за здоровье и процветание украинской нации. Неуклюжему Гнату Рваному бутылку не доверили, приняли, так сказать, меры предосторожности.

Все входило в норму. Снова хохотали и беззлобно матерились мужчины, смеялись женщины, сидящие у них на коленях. Дозрело мясо на мангале. Крепкие зубы впивались в ароматную мякоть, сок стекал по губам.

Рваный блаженно скалился, лапал Терезу жирными руками. Та кокетливо хрюкала и многозначительно ерзала у него на коленях. Подобревший Демид травил анекдоты про тупых москалей. Все дружно ржали и сопровождали их нецензурными комментариями. Горилка и шампанское текли рекой.

Музыка пошла по второму кругу. На нее уже никто не обращал внимания. Нормальный звуковой фон, вроде шума ветра.

Блондин Петро рукавом вытер жир с губ, схватил Ядвигу, подмигнул ей и потащил в дом под дружные аплодисменты Касьяна и Демида. Рваный решил не отставать. Он стряхнул Терезу с коленей, взял ее за руку и повел куда следует.

– Не разбей там чего-нибудь! – крикнул им вдогонку Касьян. – Уяснил, Рваный? Никаких разрушений! – Он уловил запах, спохватился и кинулся снимать с решетки подгоревшее мясо.

Парни выпили по паре стопочек, потом появились Петро с Ядвигой. Блондинка улыбалась, виляла бедрами, хотя в ее лице и походке уже проглядывали первые признаки усталости. Она забыла поправить прическу, волосы торчали как у Пеппи Длинныйчулок. Девушка плюхнулась на стул, залпом выпила остатки шампанского из своего бокала. Петро цвел, как вишня.

– Вот такой бабеч! – Он показал большой палец и тоже плюхнулся на свое место.

Тут возникла и вторая парочка. Первой шла Тереза, небрежно помахивая бюстгальтером. Блузка на ней сидела криво, все торчало наружу, юбку она надела задом наперед. Девушка была изрядно подшофе. Она придурковато улыбалась, икала, но пока не сбивалась с курса.

Рваный тоже улыбался, но как-то смущенно, стыдливо. Он чувствовал себя неловко, хотя и в нем спиртное плескалось через край.

– Не получилось, – шепнул Демид на ухо Касьяну. – Или кончил, не успев начать. Проблемы с достоинством.

– Это у нас с тобой достоинство, – буркнул Касьян. – А у него недостаток.

Парни загоготали так, что задрожала посуда на столе.

Гнат pokrылся пунцовой краской, разозлился.

– Эй, вы чего?

– Не обращай внимания. – Демид отмахнулся, он вздрагивал от смеха. – Это мы о своем, девичьем.

Запасы спиртного подходили к концу, но честная компания продолжала пить.

Блондинка стала жаловаться на изжогу, потом спросила:

– Мальчики, а то, что вы нам подсовываете, это действительно шампанское?

– А как же! – возмутился Касьян. – Лично покупал. Не из подвалов Прованса, ясное дело, но и не паленка. Да не парьтесь, девчата. У нас и горилка не самых изысканных пшеничных сортов. Все бабки на ваши услуги ушли.

Веселье продолжалось, пьяное, куражное. Подломилась ножка стула, и Гнат едва успел вскочить. При этом он схватился за край скатерти, что и повлекло очередные разрушения.

Касьян махнул на все рукой. Он уже и сам был пьян, море по колено.

Девчонки глупо улыбались. Блондинку вырвало. Подруга подхватила ее за талию. Обе поскользнулись, изобразили танцевальное па.

– Мальчики, мы отдохнем, не возражаете? – вяло пробормотала Тереза, судорожно отыскивая точку опоры. – Вздремнем часок, хорошо? И добудьте, ради бога, нормальное шампанское.

Они ушли, покачиваясь, как бойцы после тяжелого боя.

На месте застолья царил бардак – разбитая посуда, перевернутые стулья, разбросанная еда. Парни выпили еще по одной.

Окосевшего Гната потянуло в пляс. Он начал подпрыгивать, махать руками, выписывать кренделя, споткнулся, повалился в малину, огороженную декоративным заборчиком, и стал возиться в ней.

– Пробил защитное ограждение, – заявил Демид и нетрезво захихикал.

– Достал уже этот балбес! – в сердцах воскликнул Касьян Гныш и отправился извлекать товарища из ловушки.

Но и его потянуло в сторону. Ноги спасателя перепутались, и он тоже растянулся на земле под смех товарищей. Вот уроды, никакого сочувствия!

Касьян поднялся и побрел за угол, где его сводный брат Федор установил надувной бассейн для детей. Емкость приличных размеров была наполнена водой. Парень скинул одежду, подтянулся на лесенке, перевалился через борт и завопил. Вода оказалась на удивление холодной. Ничего, нормально, именно то, что нужно. Он нырнул, вынырнул, снова нырнул.

Затряслась нестабильная конструкция. В бассейн плюхнулся Демид, едва не врезав ему пяткой по скуле.

– А я что, рыжий? – провопил Петро и плюхнулся в воду.

– Эй, нелюди, меня подождите! – откуда-то взялся в дупель пьяный Гнат, весь в листе и обломках веток.

Он догадался стащить с себя одежду и свалился в бассейн, как подпиленное дерево, и изрядно нахлебался воды. Приятелям пришлось вытаскивать его и приводить в чувство.

Купание принесло свои плоды. Дурь из парней частично выветрилась. Они оделись и, дрожа, побежали в дом. Им не хотелось оставаться на улице, где к ночи похолодало. Касьян захватил с собой остатки горилки, сунул под мышку нераспечатанную колу.

В гостиной первого этажа спали две полуодетые путаны, разбросав конечности и волосы. Позы девчат были зверски соблазнительными, но дорогу к ним преграждала лужа рвоты.

Впрочем, продолжать разврат у парней желания не было. Они собрались на втором этаже, отчасти протрезвевшие, озябшие. В распоряжении Гныша, живущего в семье брата, были две комнаты. В них он все расставил по-своему, и интерьер оборудовал сам. Родственники в его владения старались не заходить.

В стену был встроен железный шкаф, запертый на ключ. С него свисало коричнево-черное полотнище «Правого сектора». На журнальном столике под аналогичным флажком красовалась пепельница, стилизованная под немецкую каску.

Видное место на стене занимал плакат желто-синей расцветки. На фоне огненного державного трезубца тень всадника с секирой нависла над Россией. Эту страну символизировала лошадь, лежащая на спине и бьющая копытами. Суть картинке самым непонятливым даунам поясняла готическая вязь, переливавшаяся золотом: «Украина убьет Россию!»

Рядом плакат поменьше: солдаты вермахта и УПА, слившиеся в едином наступательном порыве. И сопроводительная надпись: «За Украину!»

На соседней стене какие-то старые фотографии в рамочках. На них марширующие эсэсовцы, пожилая женщина с гордо задранной подбородком, группа вооруженных личностей в полувоенном облачении. Среди них видное место занимал стройный тип в немецком кителе, со шмайсером на груди, высокомерно смотрящий в объектив. Снимок был старый, его старательно ретушировали.

Двадцатилетний Касьян Гныш, уроженец Гривова, несколько лет прожил в Ивано-Франковской области, которую упорно величал Станиславской. Потом он несколько месяцев служил в добровольческом батальоне, участвовал в антитеррористической операции, карательных рейдах против жителей Донбасса, чем постоянно хвастался. Ушел он оттуда со скандалом, ходили слухи, что за чрезмерную жестокость. Это надо же так умудриться!

Когда война притихла, Касьян написал рапорт высокому начальству с просьбой направить его в диверсионную школу. Но что-то не срослось. Он служил в военизированной охране

и оттуда с треском уволился. Теперь был сам по себе. Искания, мятежная душа, поиск истинного пути.

Парень вернулся на родину, в Гривов, толком нигде не работал. Старший брат Федор политикой не увлекался, имел свой бизнес и большую семью. Возвращение этого патриота было ему не в радость. Родители умерли, дом записан на Федора, но как откажешь родному человечку, пусть и родившемуся от другого отца?

Брат выделил Касьяну место на мансарде, посоветовал устроиться на работу и поменьше увлекаться своими нацистскими штучками. Пора бы и повзрослеть, в конце концов, ума накопить, семьей обзавестись. Сводные братья друг друга не любили, но мирились.

Жена Федора Людмила тоже воротила нос от Касьяна, на что ему было глубоко и искренне плевать.

Он перебивался случайными заработками. Знакомцы из районного отделения ОУН иногда поручали ему сопроводить важное лицо или груз, а то и начистить кому-нибудь рыло. Как-никак восток страны, сепаратистской нечисти хватает.

– Брательник-то твой где? – поинтересовался протрезвевший Демид Рыло.

Многие считали, что Рыло – погоняло, и очень удивлялись, узнавая, что это фамилия, которой он несколько не стеснялся, даже выпячивал. В юности Демид занимался боксом, потом подвизался в криминальной группировке, зачем-то женился, развелся. Он выбил у бывшей супруги половину квартиры в Тернополе, где и кантовался целый год.

Оттуда Демид и пошел воевать на Донбасс в батальоне «Прикарпатье». Хотел овеять себя неуваждающей славой, а заработал конфуз. Воевал он в принципе нормально, вот только слава про эту воинскую часть гуляла весьма сомнительная.

Именно батальон территориальной обороны «Прикарпатье», как выразилась Генеральная прокуратура Украины, «стал первопричиной серии событий, которые повлекли трагедию под Иловайском». Проще говоря, батальон бежал с места несения службы под Амвросиевкой, из-за чего обнажился фланг группировки. Этим воспользовались ополченцы и хорошо накостыляли бравым украинским воякам.

Вспоминать о службе Рыло не любил. Если кто-то поднимал эту тему, он сжимал кулаки и готов был разбить кому угодно «свою фамилию». Прецеденты случались.

– Убыло в Запорожье все святое семейство, будь оно неладно, – отмахнулся Гныш. – Тетка померла, вот они и поперлись на похороны. Как будто им с этого что-то обломится.

– А тебя на хозяйстве оставили? – осведомился Петро.

– Вроде того. Не помню я эту тетку, маленький был, какое мне дело? Рванный, ты чего там завис? Давай посуду. И не вздумай что-нибудь разбить.

– Ага. – Гнат еще не протрезвел, но уже походил на человека. – А это что за кекс, Касьян? – Он кивнул на фотографию времен Второй мировой войны.

– Это ты кекс, – строго сказал Гныш. – А это мой прадед Нестор Бабула. Он командовал отрядом УПА в Прикарпатье. Героическая личность, между прочим. Вот с кого надо делать жизнь, друзья мои. С поляками воевал, с москалями, даже немцев колотил, когда те слишком зарывались. Человек-легенда. Враги боялись его как огня, район, который он контролировал, обходили стороной! – Касьян непроизвольно повысил голос.

– Ты же вроде не Бабула, – сказал Демид.

– И что с того? Дочь у него была, бабка моя. Выросла, замуж вышла, фамилию сменила, оттого и стали мы Гнышами. Но кровь ведь та же! Память осталась, старые фото, архивные документы, подтверждающие, что прадед мой был героической личностью.

– И чем он кончил? – спросил Петро. – Шлепнули его или выжил?

– Там темная история была. – Гныш немного смутился. – Не хочу сейчас об этом. Светлый был человек, чем бы ни закончил. Именно таких нам сейчас не хватает. Повсюду сплошные

трусы, кретины и предатели вроде нашего главного алкаша и всей его братии. Продали страну, по кускам растащили, разворовали.

– Это нормально, – попытался пошутить Петро. – Придут русские, а уже нет ничего, все свои украли.

– Да иди ты на хрен со своими шутками! – вспылел Касьян.

Петро примирительно поднял руки, мол, сдаюсь. Он ослабился, тоже еще не протрезвел.

Петро Притупа имел типичную арийскую внешность и такие же жизненные ориентиры. В армии не служил, но занимался дзюдо. На Майдане он дальше всех швырял камни и даже попал по башке сотруднику «Беркута», что заснял на камеру один из его сподвижников.

Потом парень полтора года разгуливал в камуфляже, непонятно кем себя мнил. В компании себе подобных типов он проводил рейды по «русским» кварталам Запорожья, избивал тех, которых считал подозрительными. Это был убежденный сторонник чистоты украинской расы. Он считал ее реально арийской и даже нордической.

– Ладно, вздрогнули, – проворчал Гныш, разливая по бокалам остатки водки.

Парни дружно выпили, занюхали рукавами. Им сразу похорошело, закружились головы, придремавшая дурь приготовилась к возвращению.

– Рваный, какого хрена ты еще здесь? – заявил Гныш. – Топай вниз, бери, что там еще осталось, да живо сюда. Шлюх не буди, ну их на хрен.

– Я тебе что, шестерка, бегать по твоим поручениям? – вякнул Рваный, которого опять развозило.

– Смелый ты стал, Гнат, уважаю. Ладно, сам схожу. Только хрен ты у меня еще бухла получишь.

– Ладно, не заводись, – огрызнулся Рваный. – Не видишь, иду уже.

Товарищи, сдерживая смех, смотрели, как Рваный, держась за стенку, ковылял к лестнице. Он оступился, но успел ухватиться за перила и благополучно достиг подножия.

К Рваному приятели еще со школы относились иронично, хотя до точки кипения старались не доводить. Тоже чревато. Как-то бомж со свалки к нему прикопался, требовал денег, махал тупым ножичком, всячески обзывался.

Гнат терпел до последнего, потом схватил камень и заехал бомжу в рожу! Тот выронил нож, но продолжал ругаться. Рваный в этот миг был неподражаем! Доведенный до исступления, он снова треснул бомжа, а когда тот упал, рухнул на него сверху и бил по роже каменюкой, пока рука не устала. При этом орал что-то дикое, плевался, сверкал глазами.

Перепуганные товарищи едва оттащили его. От головы бомжа осталось жуткое месиво. Парни торопливо зарыли его в мусор, убедились, что не было случайных свидетелей. Гнат еще долго не мог прийти в себя, а потом отчаянно трусил, вздрагивал от каждого стука в дверь, впадал в неистовую панику от телефонных звонков.

Он тоже толком не работал, жил на родительскую пенсию. Гитлера считал кумиром, нашел в Интернете украинский перевод «Майн кампф» и часами не отрывался от этой книжонки. На Майдан Рваный прибежал одним из первых, выворачивал булыжники из мостовой под знаменами «Правого сектора», громче всех орал: «Кто не скаче, той москаль!»

Он вернулся какой-то растерянный, непривычно задумчивый.

– Ты почему пустой? – накинулся на него Гныш.

– Так это самое, хлопцы... – Гнат озадаченно почесал загривок. – Нема там бухла, выпили все. В натуре, гадом буду, не вру, все обыскал. Жрачки есть немного, но какой от нее прок без бухла?

– Так ты сам, скотина, литр горилки расколотил, – заявил Касьян. – У меня все было посчитано. На последние, между прочим, брал!

– Вот так влипли! – Демид схватился за голову и невольно засмеялся.

Мол, вот так всегда. Закон жизни. Нет именно того, что очень надо.

– Хлопцы, так вроде купить можно, – внес он на рассмотрение грандиозную идею. – Тут же ларек круглосуточный. Десять минут физкультурной рыси. Рванный сбегает.

– А почему сразу Рванный? – взвился Гнат.

– А кто литр расколотил?!

Спустя минуту энергичного обсуждения выяснился удручающий факт. Денег нет ни у кого. Вообще. Касьян все истратил на бухло и закуску, Рванный и Петро – на шлюх и такси. Оба собирались перехватить у Касьяна, чтобы до дому утром добраться. Рыло тоже был на мели. Для убедительности он вывернул карманы, в которых обнаружилось аж шестнадцать гривен.

– Ну, вы и нищоброды, – недоверчиво протянул Касьян.

– Ага, на себя посмотри, сейчас зеркало принесу, – огрызнулся Петро. – Может, в долг в ларьке дадут?

– Догонят и еще добавят, – заявил Касьян. – Там Чернявый мазу держит, я ему уже шесть сотен должен. С ним связываться – себе дороже.

– Да, Чернявый – голова, – согласился Демид. – Ему по барабану, что ты весь из себя такой крутой. Что не так – тупо убьет и дом спалит. Может, в доме есть бухло или деньги? Твой Федька что, совсем непьющий?

– Нет тут ни хрена, проверял уже. Федька красное вино по вечерам пьет, за здоровьем следит. И то уже выхлебал. А бабло наличное с собой на похороны взял. Может, у шлюх позаимствовать? Не пустые же они?

– Только не это, – испугался Петро. – Мне этих баб Шапиро лично под расписку выдал, чтобы ни один волосок с их головы не упал, никакого насилия, и шмонать их нельзя. Нет, Касьян, я против Шапиро не пойду, хоть режь меня. Ты лучше не поленись, до соседа сбегай и займи.

– Не побегу, на ножах мы с ним, – отказался Гныш. – Волкодав у него во дворе, и сам в «Грифоне» служит. Нужны мне эти головняки?

Приятель перебрали все доступные варианты и уныло молчали.

Вдруг Касьян как-то хищно засмеялся. Все вздрогнули, уставились на него. Физиономию Гныша искривила злобная гримаса. Он, не мигая, смотрел на фотографию прадеда. Видимо, незримый дух этого святого человека и подсказал парню правильное решение.

– А вот сейчас мы проверим, чего вы, хлопцы, в реальности стоите. Испытаем вас на шивовость, – сказал он. – Едем в другой магазин. Все вместе. Никто не возражает? У меня «Нива» в гараже, бензин в наличии.

– Да нам без разницы. – Демид пожал плечами. – Только ведь в другом магазине тоже за деньги продают, нет?

Касьян, посмеиваясь, вынул из шкафа карту местности, развернул ее, начал водить по ней пальцем. Все невольно потянулись к журнальному столику.

– Вот это Гривов. – Он ткнул пальцем. – Дорога, ведущая из поселка на трассу. Лес, поле, бывший совхоз «Заветы Ильича». Вот Войново. Брательник ездил туда на позапрошлой неделе по каким-то делам. Говорил, на трассе перед Войново открылся частный магазин, «Чертополох» называется. Там любую мелочь можно купить, и винный отдел есть. Стало быть, и склад не пустует. Вкурили, хлопцы?

– А там коммунизм, деньги не нужны? – Скудоумный Гнат явно не вкурил. – Да и далеко ты точку нашел.

– Чего? – Демид подался вперед. – Касьян, ты соображаешь? Так это же...

– Все правильно, – радостно возвестил Касьян. – Поселок Войново и магазин «Чертополох» находятся на временно оккупированной террористами территории. Сорок верст. Двадцать пять – по нашей земле, остальные – по вражеской. Блокпосты ватников находятся здесь и здесь. – Он обозначил точками объекты на карте. – Наши – тут и тут. Прошу поверить специалисту. В округе никого, ночь, движение на дороге минимальное. Война сейчас, к сожалению,

не ведется. Поедем проселочными и лесными дорогами, вот в этом месте выйдем на трассу. До объекта останется полтора километра. Фигня, хлопцы, минут за сорок отсюда доскачем. Магазин уже не работает. Взламываем склад, берем себе бухло покрепче, шампунь девочкам, что-нибудь еще и валим домой. В три часа ночи продолжим банкет. Заодно и проветримся, воздухом подышим. Заметут наши, не будут наказывать за то, что ватников бомбанули. Что скажете?

Парни помалкивали. Пьяному, конечно, море по колено, но все-таки.

– Эх, хлопцы, – посетовал Касьян, – пропал в нас дух авантюризма. Перестали лазить во вражеский тыл и рисковать своей жизнью ради паленой горилки. – Он язвительно засмеялся. – Как скучно мы живем, особенно с того дня, когда нам подсунули это гребаное перемирие.

Рванный выудил из кармана плитку шоколада, стыренную со стола, принялся жевать. Остальные задумчиво на него смотрели.

– Шоколад ускоряет работу мозга, – сказал Петро.

– Ага, если есть, что ускорить, – проворчал Демид.

– А что? – Рванный оскалился до ушей. – Поехали, Касьян!

Все заговорили, зашумели, стали дружно ржать, стучать пустыми стопками по столу. Черт возьми, как давно им этого не хватало!

– А ну ша! – Гныш поднял руку. – Наши менты и военные нам не страшны, с ними я договарюсь. Но если что-то пойдет не так на чужой стороне... – Он посмотрел на приятелей, вразвалку подошел к шкафу, вынул связку ключей, отыскал нужный. – Железная дверь заскрежетала и распахнулась. – Но учтите, за каждый ствол несете ответственность. Как вернемся, сдадите по описи.

У парней загорелись глаза, они задышали так жарко, словно из нутра шкафа на них смотрела абсолютно бесплатная голая женщина.

Касьян бережно оттуда извлек автомат «АКС» со складным плечевым упором, положил на стол. Потом настала очередь раритетного нагана образца 1895 года, который выглядел как новый, и восьмизарядного парабеллума времен Второй мировой войны. За ними Касьян извлек на свет божий обрез охотничьей двустволки, любовно протер стволы носовым платком, заглянул внутрь.

– Разбираем, хлопцы, сейчас получите патроны. Только не спрашивайте, где я это взял.

В начале второго ночи неприметная серая «Нива» выбралась с проселочной дороги и остановилась перед въездом на трассу. Касьян погасил огни. Позади осталась долгая болтанка по лесу, лихой пробег по открытому полю, когда парней нещадно подбрасывало и швыряло в разные стороны. Они дважды натыкались на патрули, но заблаговременно уходили с дороги. Гныш был пьян, но конспирацию соблюдал.

– Что, мужики, уже граница? – прошипел Рванный. – Или мы еще у нас?

– Кордон проехали, хрень осталась, прорвемся, – сказал Касьян, завел двигатель, включил передачу и начал медленно выводить машину на трассу, показывая левый поворот.

Блокпост ополчения был справа по дороге, следующий – за Войново, но до него они не доберутся. Нужный объект в полутора километрах.

По трассе пропылил какой-то ночной грузовик со слепящим дальним светом. Касьян выждал, пока тот проехал, повернул с проселочной дороги на главную. Он глянул влево и увидел хорошую приметку для поворота на обратном пути. Это был покосившийся столб электропередач, подпертый дополнительной бетонной опорой.

Вторая передача, третья, и старенькая «Нива» бодро побежала по дороге, не такой уж и пустой. Впереди два огонька встречной машины, сзади такие же. Касьян переключился на четвертую скорость, поддал газку. Ветер засвистел в открытые окна, какая-то бесшабашная дурь наполнила голову водителя.

Попутная машина отстала. Навстречу промчалась здоровая фура.

«Совсем обнаглели эти сепары, – подумал Гныш. – Мирное время себе возомнили?»

Вдоль дороги тянулись бескрайние поля, разбавленные перелесками. Мелькнул отворот на грунтовку. За ним начиналось крупное село Войново, в котором не было военных объектов. Значит, бдительность у сепаров нулевая!

Спящая заправка, кучка невнятных строений, обширный пустырь со свалкой, два длинных двухэтажных барака вдоль дороги. А вот это именно то, что треба!

Гныш снизил скорость, повернул направо. Небольшой магазин, гриб на ровном месте. Поблизости от запертой двери не было никаких машин. Окна не горели, вывеска тоже не светила. Но над крыльцом выделялась в лунном свете мутная надпись: «Чертополох». Значит, верной дорогой ехали.

Касьян погасил фары, дальше крался как вор, в объезд правой стороны здания, едва не цепляя зеркалом штaketник. Он заехал за кустарник, остановился, высунул голову из окна.

Колыхнулась трава, пробежала черная кошка. Хрен с ней!

– Все поняли, пацаны? – спросил он подельников. – Сейчас взламываем заднюю дверь магазина, затариваемся и валим отсюда. Да чтобы тихо! Берите волюны, да не гремите ими. Монтировка у меня. – Он выволок из-под сиденья увесистую железяку.

– А если там сигнализация? – вякнул Рваный.

– Я тебе сейчас дам сигнализацию! – Гныш покрутил кулаком перед носом сообщника. – Ты что несешь, Рваный, какая сигнализация? Она же бабок стоит. Откуда им взяться у этих голодранцев? Тихо!.. – Он затаил дыхание, прислушался, различал глухие голоса.

Что-то лязгнуло, потом раздался скрип. В ночи определенно кто-то был. Звуки доносились из-за угла. Там находилось заднее крыльцо «Чертополоха».

«Кто это? Ночь на дворе, спят усталые игрушки. – Хмельная голова лихорадочно соображала. – Засада? С какого перепуга? Ревизия? Ночью их не бывает. Кто-то решил обнести магазин у нас перед носом? Ага, перебьются, это наша добыча!»

– За мной! – прошептал он и первым выскользнул из машины.

В руках монтировка, за спиной «АКС», сбросить который можно за секунду. Касьян, пригибаясь, добежал до угла, дождался, пока подтянутся все остальные. Он высунулся, снова пробежал, прижимаясь к стене, сел на корточки у угла.

Впритирку к заднему крыльцу стояла банальная «Газель» с раскрытым кузовом. Двигатель не работал, но подфарники горели. В кабине пусто. Очевидно, с этой стороны находился склад с проходом в торговое помещение.

Изнутри доносились глухие голоса, что-то поскрипывало. Ночная разгрузка. Именно сейчас, не раньше, не позже!

Злость ударила Касьяну в голову. Но ничего, он умел преодолевать спонтанно возникающие сложности. Парень на цыпочках побежал через задний двор, запрыгнул на крыльцо и прижался к косяку. Из помещения проникал неяркий свет. Подтянулись подельники.

Касьян прижал палец к губам, первым вошел в помещение. Что-то лязгнуло, издало протяжный металлический звук. Все четверо ворвались внутрь, выставили стволы. Петро, замыкающий процессию, закрыл за собой металлическую дверь.

Да, складское помещение. Блеклый свет. Металлические стеллажи по бокам, проход в торговый зал, холодильники.

У стеллажей с коробками и упаковками товара возились двое мужчин. Они пристраивали на верхнюю полку громоздкий ящик. Рядом стояла женщина средних лет, хорошо сохранившаяся, в куртке, наброшенной поверх домашнего халата. Она царапала карандашом в потрепанной тетради, вскинула глаза, побледнела, попятилась. Мужчины тоже почуяли неладное, обернулись. Ящик, который они запихивали на полку, угрожающе завис на ее краю.

Субъект лет сорока пяти дернулся так, словно собрался прикрыть собой женщину. Он тоже был одет по-домашнему. Сглотнул и облизнул губы молодой парень, видимо, водитель «Газели», так некстати доставивший товар. Родственная связь прослеживалась в лучшем виде. Одно лицо с отцом. У матери он позаимствовал стройность и разрез глаз, в котором смутно прослеживалось что-то азиатское.

Все ясно. У родителей свой магазин. Сын возит товар.

– В чем дело? – сдавленно проговорила женщина.

Можно подумать, непонятно. Стволы, оскаленные пьяные рожи!

– Ревизия, господа! – заявил Касьян и выпрыгнул на середину склада.

Монтировка оказалась не нужна. Он выбросил ее к чертовой матери, и железяка, дребезжа, покатила по полу.

Налетчики растекались по складу. Петро помчался выяснять, нет ли кого в торговом зале и других помещениях. Остальные оцетинились стволами, ехидно улыбались.

– Это ограбление, уважаемые, – сообщил Касьян владельцам магазина. – Просьба не орать, не сопротивляться, не цепляться зубами за свое барахло. Тогда, может быть, все закончится для вас благополучно.

– Или нет, – заявил Демид Рыло.

– Ублюдки, катитесь отсюда! Вас поймут... – процедил сквозь зубы мужчина.

Он смертельно побледнел, кусал губы и косил по сторонам.

– Сережа, пусть делают, что хотят, – пробормотала испуганная женщина. – Забирайте, что вам нужно, и уходите, только не трогайте нас. Сережа, не задирай их. Петенька, ты тоже молчи.

– Привет, тезка! – заявил Петро, вваливаясь на склад из торгового зала. – Нет там никого. Все тут.

– Вот и славно. – Касьян улыбнулся, вдруг сделал бешеное лицо, передернул затвор. – А ну, семейка хренова, все к стене! Кто пошевелится – убью!

Женщина закашлялась, мужчина обнял ее, загородил собой, с ненавистью уставился на налетчиков. Молодой человек, оказавшийся за их спинами, вдруг украдкой запустил руку в карман.

Его глупость не осталась незамеченной. Гнат Рванный метнулся сбоку, ударил по челюсти. Загремел по полу пистолет. Рванный отбросил его ногой, Петро поднял и хмыкнул. Газовый! Совсем дурак, что ли?

Рванный нанес второй удар. Парень полетел под стеллаж, треснулся спиной об его опору, схватился за разбитую челюсть.

– Ироды, не трогайте мальчика! – крикнула мать.

Родители бросились к отпрыску, свалились перед ним на колени. Дрожь пошла по стеллажу, зашатался ящик, стоящий на краю, повалился на пол с глухим треском. Никого не зацепило.

У парня из разбитого лица сочилась кровь. Он что-то бормотал, плевался. Отец и мать хлопотали вокруг него, женщина плакала.

Касьян подошел поближе, поманил ее пальцем. Она поднялась на трясущихся ногах. Муж хотел остановить ее, но Рванный подлетел к нему, ударил по руке и оскалился, услышав хруст ломающейся лучевой кости. Мужчина упал на колени, схватился за перебитую конечность.

Женщина тяжело дышала, в ней не было ни кровиночки.

– Успокойся, милашка, – проворковал Гныш. – Имя у тебя есть?

– Да, Лариса.

А она была ничего. Старше, чем нужно, но вполне еще. Касьян потянул носом, хмыкнул. Не витает ли в воздухе запах секса? Нет. Шлюх хватило. Да и обстановка не совсем располагала.

– Вот и умничка, Лариса. Почему разгружаетесь ночью? Спать надо, нет?

– Так получилось, – едва слышно проговорила женщина. – Днем Петенька был занят на другой работе, поздно с нее вернулся. Послушайте, мы не сделали вам ничего плохого, берите, что нужно, и уходите.

Какой сознательный и ответственный молодой человек! Жертвует сном, чтобы помочь своим родителям.

– Касьян, я скотч нашел, – деловито сообщил Рваный, стаскивая со стеллажа упаковку с означенным изделием.

– Пошли дурака за скотчем, – тут же пошутил Петро. – Он клейкую ленту и принесет.

– Вяжите их, чтобы не мешались, – распорядился Касьян и нетерпеливо посмотрел на часы.

Долго они возятся, так и ночь скоро пройдет.

Парни вязали владельцев магазина оперативно, пошучивая, похлопывая женщину по ляжкам. Касьян подпрыгивал от нетерпения.

Они уже почти закончили, как вдруг заскрипела входная дверь. Все вздрогнули, схватились за оружие. На пороге склада возник какой-то щуплый взъерошенный мужичонка. Он плохо видел, подслеповато щурился. Явно асоциальный тип – небритый, одетый во что-то мятое и несвежее. На серой физиономии пышно расцветало перманентное похмелье.

– Лариса, это я, – пробормотал он, прихрамывая, вошел на склад, остановился и стал растерянно озираться.

До него дошло, что что-то неладно.

Демид спохватился, перекрыл посетителю отход, убедился, что на улице больше никого, запер дверь на задвижку.

Дядечка в замешательстве озирался, моргал.

– Что за хрень, мужики?..

– Здравствуй, мил человек. – Гныш раздраженно скрипнул зубами. – Мы сегодня за Ларису, с нами разговаривай. Ты что за чудо?

– Хлопцы, да это же я, Валерка Синий, тут рядом обитаю, в бараке. Не спится, решил пройтись, голоса услышал. Трубы горят, мужики, выпить надо срочно, мочи нет. Хотел у Ларисы бутылочку белой перехватить, она же добрая, всегда выручает. Я отдам, мужики, клянусь всем святым. – Он затравленно шнырял глазами, пяtilся, как-то судорожно ощупывал воздух грязными пальцами.

Мужичок косился на связанных людей, которым Рваный в качестве завершающих штрихов наклеивал полоски скотча на рты.

Налетчики развеселились. Местный алкаш на огонек забрел! Касьяну тоже стало смешно. Он разглядел ящик с водкой на стеллаже, взял бутылку, откупорил со щелчком, вразвалку приблизился к страдальцу.

– Держи, приятель. – Касьян сунул бутылку алкашу. – С собой не дадим, пей тут, сколько сможешь.

Победила неизлечимая страсть! Мужичонка затрясся, схватился за бутылку, начал жадно пить из горла. Передохнул, перевел дыхание, сыто облизнулся. Снова приложился.

– Ох, спасибо, добрый человек, выручил. Дай бог тебе здоровья.

– Да пожалуйста, обращайся. – Гныш ослабил и всадил украдкой заготовленный нож алкашу в живот.

Мужичонка вздрогнул, икнул, уставился на Гныша с каким-то смутным подозрением. Лезвие продолжало вспарывать пузо, разрывать кишечник. Замычали, забили ногами связанные люди. Скалились сообщники.

Касьян с любопытством посмотрел в глаза алкаша и немного отстранился, чтобы не испачкаться. Нож сделал свое дело. Гныш вынул его и вытер о замызганную курточку местного

жителя, пока тот не упал. Глаза алкаша закатились, он повалился на бок, вздрогнул пару раз и затих. Кровавая каша вылезала из распоротого живота.

– Как свинью, – заявил Петро. – Нормально ты его, Касьян.

– Чего стоим, зубы скалим? – прорычал тот. – Живо хватаем, что тут есть, да едем до хаты!

Закипела бурная деятельность. Налетчики тащили в машину водку, коньяк, причудливую бутылку заморской текилы, которая, к сожалению, была в единственном экземпляре. Петро и Рваный забрасывали в пакеты упаковки с фруктами, копченую колбасу, сыры, деликатесную грудинку. Рваный обнаружил копченые свиные уши и швырнул их до кучи. Петро стаскивал с витрины вино, шампанское для шлюх, волок в охапку коробки с конфетами. Все это парни как попало бросали в багажник.

Пока они возились с продуктами, Демид монтировкой вскрыл кассу и захихикал, потрясая худенькой пачкой рублей и гривен. Гныш отобрал у него добычу, сунул к себе в карман и пробормотал, что позднее поделит ее по справедливости.

На операцию по очищению магазина ушло минут десять. Вроде все.

– Валим, Касьян? – спросил Демид.

– А с этим натюрмортом что? – Петро ткнул пальцем в кучку связанных людей.

Те помалкивали и тоскливо наблюдали за грабителями. Вопрос был очень даже интересный. Хозяева магазина развяжутся совместными усилиями, сообщат сепарам, патруль вызовут. Да еще и видели их лица.

Касьян стащил с полки бутылку дешевого коньяка, откупорил, выбросил пробку. Он с удовольствием сделал несколько глотков, срыгнул, вытер рукавом мокрые губы. Остальные последовали его примеру. Спиртного на складе оставалось прорва.

В голове Касьяна снова зашуршало, его потянуло на подвиги. Он подошел к несчастным «бизнесменам» и уставился на них с нескрываемым любопытством. Занятная штука – заглядывать в глаза людям, обреченным на смерть. Женщина ооченела. Ее муж метал молнии. Сын затравленно озирался.

– Кончай их, хлопцы, – процедил он. – И пошли отсюда.

Ох уж этот кураж! Смерть ненавистным оккупантам и их соглашателям! Рваный вскинул обрез, выпалил дуплетом в лицо парня. Брызнула кровь из обезображенного куска мяса. Его отец мычал, извивался.

– Смотри-ка, он что-то сказать хочет, – заявил Петро, дважды выстрелил из парабеллума, глотнул пороховой дым, закашлялся. – Странно, работает музейный экспонат.

Обе пули попали в сердце. Мужчина вздрогнул, как-то сразу остекленел. Демид прицелился из нагана и задержал палец на спусковом крючке. У женщины потухли глаза. Демид палил, как киношные ковбои на Диком Западе. Пальцем правой руки давил на спусковой крючок, ребром левой ладони бил по курку. Он опустошил весь барабан и начал шарить по карманам, где россыпью валялись патроны.

Женщина еще была жива. Мазила хренов! Несколько пуль ее только ранили. Она жалобно стонала.

Рваный переломил ствол обреза, вставил патроны. Снова грянул дуплет. Крупная дробь снесла половину черепа.

Парни побежали, как от чумы. Они ведь учинили жуткий грохот. До ближайших барачков метров двести. Там люди! Убийцы, истекающие адреналином, промчались по двору, с воплями загрузились в машину. Уноси, родимая!

Гныш лихо развернулся на пустыре за магазином. Машина тряслась на ухабах, пассажиры подпрыгивали.

– Эх, погуляли, мать его! – истошно выкрикнул Рванный, в которого вселился какой-то дурной бес. – Вот это жизнь, хлопцы! Пусть долбаные ватники знают, что мы всегда их достанем!

У магазина все было тихо, но когда Гныш поворачивал на трассу, по ушам парней ударил истошный вой. От центральной части Войново неслась машина с включенной сиреной и сверкающим проблесковым маячком. Надо же, как быстро.

Видимо, обитатели барака услышали пальбу, сообразили, что в магазине беда, и стукнули ментам. Пост оказался совсем рядом, у трассы.

Гныш утопил в пол педаль газа. «Нива» как пришпоренная, полетела по асфальтовой дороге. Парни дружно матерились, высовывались в открытые окна. Подумаешь, волки позорные!

Это действительно была патрульная машина. Менты, сидящие в ней, все поняли, не стали заезжать в магазин, помчались за улепетьвающей «Нивой». Ветер врывается в салон, кружил дурные головы. Тачка у милиции оказалась проворнее, настигала беглецов.

Включился динамик, прозвучало требование немедленно прижаться к обочине и остановиться.

– Он же номер не назвал! – заявил пьяный в стельку Петро. – Как мы можем остановиться? А вдруг это не нам, а водителю другой «Нивы»?

– А у нас номера заляпаны грязью, – сказал Рыло. – Оттого они и прочесть их не могут! Прогремел предупредительный выстрел. Зря они так. Как красная тряпка для быка!

Рыло схватил автомат Гныша, который не мог отвлечься от дороги, высунулся из окна и принялся бить короткими очередями. Остальные лупили из пистолетов. «Нива» переливалась вспышками, неслась по дороге искрящейся кометой.

Одна из пуль, выпущенных парнями, пробила капот ментовской машины. Та сбросила скорость, завилыла, но водитель удержался на дороге. И снова из нее загремели выстрелы.

Попаданий не было. Касьян умело маневрировал, но пропустил в азарте гонки тот самый поворот на проселочную дорогу. Хотя чего переживать, все равно нельзя притормаживать. Теперь без вариантов, только прямо. А впереди блокпост ненавистных колорадов! До него не больше километра.

– Касьян, ты куда? – взвизгнул Рванный. – Там же ватники!

– А я взлететь могу, да? – огрызнулся Гныш. – Готовьтесь, хлопцы, сейчас нам поплохее!

На блокпосту уже металась люди. «Нива» приближалась к нему, а милицейский патруль очень кстати начал отставать. Видно, пуля что-то повредила в движке. Машина встала на обочине, из-под капота повалил дым. Но приятных сюрпризов не ожидалось.

В дальнем свете фар суетились люди. На проезжую часть рывками вылезал «УАЗ», чтобы перегородить ее.

– Хлопцы, огонь из всех стволов! – завопил Гныш. – Мочи москалей на хрен!

«Нива» кометой пронеслась через пост. Неодолимого заграждения на дороге не было, не война же. Ленты с шипами сепары раскатать не успели. Возможно, милиция шумнула на блокпост. Мол, надо задержать людей, предположительно причастных к пальбе в магазине. Ополченцы колебались. Стрелять на поражение? А если ошибка?

Пока они сомневались, шквал огня накрыл их с головой. Сепары едва успели попасть в траву. Кого-то из них зацепила пуля, он катался по земле, корчился от боли.

«Нива» пронеслась в нескольких сантиметрах от застывшего «УАЗа», Гныш до предела утопил педаль газа. Последняя передача, быстрее некуда! Парням казалось, что сейчас они взлетят. Все они орали дурными голосами. Ухабов на этом участке не было, что и спасло убийц.

Ополченцы с запозданием включились в погоню. «УАЗ» набирал обороты, но медленно. Свет фар отдалялся, сепары перестали стрелять. Еще одна дорога ответвлялась от шоссе, пропала в лесу.

Теперь Гныш среагировал. Он заложил такой вираж, что пассажиров чуть не сплющило. Правые колеса «Нивы» норовили оторваться от земли, она нырнула в кювет и зашлась в сумасшедшей трясучке.

– Смерть врагам! – истошно скандировали пассажиры.

Кончился лес, «Нива» запрыгала по полю. Гныш мертвой хваткой вцепился в баранку. Что-то массивное съехало за ними с трассы. Открыла огонь автоматическая скорострельная пушка, установленная на броне. Взрывы гремели справа, слева, сзади.

– Колорады БМД подогнали! – выкрикнул Гныш. – Держитесь, хлопцы!

Резвый «УАЗ» обогнал боевую машину мобильной группы прикрытия границы, скакал за преступниками, как сноровистый козлик. Стена пыли скрывала габаритные огни «Нивы». Гонка по пересеченной местности продолжалась несколько километров.

Пушка била, не переставая, снаряды ложились все точнее. Гнышу пришлось убираться с дороги, чтобы не попасть под прямое попадание. «Нива» подлетала на буграх, от нее что-то отвалилось.

Впереди мелькала полоска леса, до нее оставалось метров триста. Погоня тоже ушла с дороги, сокращала расстояние.

– Держись, братва! – завизжал Гныш.

– Касьян, ты куда? – выкрикнул Рыло. – Там же лес!

Гныш прекрасно знал эту местность. Лес разреженный, «Нива» там пройдет. За опушкой покатая лощина, тянущаяся в западном направлении. Километр до проселочной дороги на Крыжовку.

Под зауспокойный вой пассажиров, охреневших от перегрузки, «Нива» влетела в лощину, заросшую мелким кустарником. Касьян крутанул баранку вправо, и тряска достигла апогея. Сзади долбила пушка, но преследователи потеряли беглецов из вида.

Гныш схитрил, проехал метров двести, подминая чахлые кусты, рванул на южную оконечность склона, заехал в рослый малинник и погасил огни. Парни сидели, не дыша. Неуклюжая стальная туша, не знающая препятствий, промчалась ниже. «УАЗ» шел где-то сверху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.